

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ



АНТОН ЧЕХОВ

Рассказы. Повести. Пьесы



Антон Павлович Чехов

Нищий (Рассказы)

Антон Павлович Чехов Нищий

— Милостивый государь! Будьте добры, обратите внимание на несчастного, голодного человека. Три дня не ел... не имею пятака на ночлег... клянусь богом! Восемь лет служил сельским учителем и потерял место по интригам земства. Пал жертвою доноса. Вот уж год, как хожу без места.

Присяжный поверенный Скворцов поглядел на сизое, дырявое пальто просителя, на его мутные, пьяные глаза, красные пятна на щеках, и ему показалось, что он раньше уже видел где-то этого человека.

— Теперь мне предлагают место в Калужской губернии, — продолжал проситель, — но у меня нет средств, чтобы поехать туда. Помогите, сделайте милость! Стыдно просить, но... вынуждают обстоятельства.

Скворцов поглядел на калоши, из которых одна была глубокая, а другая мелкая, и вдруг вспомнил.

— Послушайте, третьего дня, кажется, я встретил вас на Садовой, — сказал он, — но тогда вы говорили мне, что вы не сельский учитель, а студент, которого исключили. Помните?

– Не... нет, не может быть! – пробормотал проситель, смущаясь. – Я сельский учитель и, ежели желаете, могу документы показать.

– Будет вам лгать! Вы называли себя студентом и даже рассказали мне, за что вас исключили. Помните?

Скворцов покраснел и с выражением гадливости на лице отошел от оборвыша.

– Это подло, милостивый государь! – крикнул он сердито. – Это мошенничество! Я вас в полицию отправлю, чёрт бы вас взял! Вы бедны, голодны, но это не дает вам права так нагло, бессовестно лгать!

Оборвыш взялся за ручку двери и растерянно, как пойманный вор, оглядел переднюю.

– Я... я не лгу-с... – пробормотал он. – Я могу документы показать.

– Кто вам поверит? – продолжал возмущаться Скворцов. – Эксплуатировать симпатии общества к сельским учителям и студентам – ведь это так низко, подло, грязно! Возмутительно!

Скворцов разошелся и самым безжалостным образом распек просителя. Своею наг-

люю ложью оборвыш возбудил в нем гадливость и отвращение, оскорбил то, что он, Скворцов, так любил и ценил в себе самом: доброту, чувствительное сердце, сострадание к несчастным людям; своею ложью, покушением на милосердие «субъект» точно осквернил ту милостыню, которую он от чистого сердца любил подавать беднякам. Оборвыш сначала оправдывался, божился, но потом умолк и, пристыженный, поник головой.

– Сударь! – сказал он, прикладывая руку к сердцу. – Действительно, я... солгал! Я не студент и не сельский учитель. Всё это одна выдумка! Я в русском хоре служил, и оттуда меня за пьянство выгнали. Но что же мне делать? Верьте богу, нельзя без лжи! Когда я говорю правду, мне никто не подает. С правдой умрешь с голоду и замерзнешь без ночлега! Вы верно рассуждаете, я понимаю, но... что же мне делать?

– Что делать? Вы спрашиваете, что вам делать? – крикнул Скворцов, подходя к нему близко. – Работайте, вот что делать! Работать нужно!

– Работать... Я и сам это понимаю, но где

же работы взять?

– Вздор! Вы молоды, здоровы, сильны и всегда найдете работу, была бы лишь охота. Но ведь вы ленивы, избалованы, пьяны! От вас, как из кабака, разит водкой! Вы изолгались и истрепались до мозга костей и способны только на попрошайничество и ложь! Если вы и соблаговолите когда-нибудь снизойти до работы, то подавай вам канцелярию, русский хор, маркерство, где бы вы ничего не делали и получали бы деньги! А не угодно ли вам заняться физическим трудом? Небось не пойдете в дворники или фабричные! Вы ведь с претензиями!

– Как вы рассуждаете, ей-богу... – проговорил проситель и горько усмехнулся. – Где же мне взять физического труда? В приказчики мне уже поздно, потому что в торговле с мальчиков начинать надо, в дворники никто меня не возьмет, потому что на меня тыкать нельзя... а на фабрику не примут, надо ремесло знать, а я ничего не знаю.

– Вздор! Вы всегда найдете оправдание! А не угодно ли вам дрова колоть?

– Я не отказываюсь, но нынче и настоящие

дровоколы сидят без хлеба.

– Ну, все тунеядцы так рассуждают. Предложи вам, так откажетесь. Не хотите ли у меня поколоть дрова?

– Извольте, поколю...

– Хорошо, посмотрим... Отлично... Увидим!

Скворцов заторопился и, не без злорадства, потирая руки, вызвал из кухни кухарку.

– Вот, Ольга, – обратился он к ней, – поведи этого господина в сарай, и пусть он дрова поколет.

Оборвыш пожал плечами, как бы недоумевая, и нерешительно пошел за кухаркой. По его походке видно было, что согласился он идти колоть дрова не потому, что был голоден и хотел заработать, а просто из самолюбия и стыда, как пойманный на слове. Заметно было также, что он сильно ослабел от водки, был нездоров и не чувствовал ни малейшего расположения к работе.

Скворцов поспешил в столовую. Там из окон, выходящих на двор, виден был деревянной сарай и всё, что происходило на дворе. Стоя у окна, Скворцов видел, как кухарка и оборвыш вышли черным ходом на двор и по

грязному снегу направились к сараю. Ольга, сердито оглядывая своего спутника и тыча в стороны локтями, отперла сарай и со злобой хлопнула дверью.

«Вероятно, мы помешали бабе кофе пить, – подумал Скворцов. – Экое злое создание!»

Далее он видел, как лжеучитель и лжестудент уселся на колоду и, подперев кулаками свои красные щеки, о чем-то задумался. Баба швырнула к его ногам топор, со злобой плюнула и, судя по выражению губ, стала браниться. Оборвыш нерешительно потянул к себе одно полено, поставил его между ног и несмело тяпнул по нем топором. Полено закачалось и упало. Оборвыш потянул его к себе, подул на свои озябшие руки и опять тяпнул топором с такою осторожностью, как будто боялся хватить себя по калоше или обрубить пальцы. Полено опять упало.

Гнев Скворцова уже прошел, и ему стало немножко больно и стыдно за то, что он заставил человека избалованного, пьяного и, быть может, больного заниматься на холоде черной работой.

«Ну, ничего, пусть... – подумал он, идя из

столовой в кабинет. – Это я для его же пользы».

Через час явилась Ольга и доложила, что дрова уже порублены.

– На, отдай ему полтинник, – сказал Скворцов. – Если он хочет, то пусть приходит колоть дрова каждое первое число... Работа всегда найдется.

Первого числа явился оборвыш и опять заработал полтинник, хотя едва стоял на ногах. С этого раза он стал часто показываться на дворе, и всякий раз для него находили работу: то он снег сгребал в кучи, то прибирал в сарае, то выбивал пыль из ковров и матрацев. Всякий раз он получал за свои труды копеек 20–40, и раз даже ему были высланы старые брюки.

Перебираясь на другую квартиру, Скворцов нанял его помогать при укладке и перевозке мебели. В этот раз оборвыш был трезв, угрюм и молчалив; он едва прикасался к мебели, ходил понуря голову за возами и даже не старался казаться деятельным, а только пожимался от холода и конфузился, когда извозчики смеялись над его праздностью, бес-

силием и рваным благородным пальто. После перевозки Скворцов велел позвать его к себе.

– Ну, я вижу, мои слова на вас подействовали, – сказал он, подавая ему рубль. – Вот вам за труды. Я вижу, вы трезвы и не прочь поработать. Как вас зовут?

– Лушков.

– Я, Лушков, могу теперь предложить вам другую работу, почище. Вы можете писать?

– Могу-с.

– Так вот с этим письмом вы завтра отправитесь к моему товарищу и получите от него переписку. Работайте, не пьянствуйте, не забывайте того, что я говорил вам. Прощайте!

Скворцов, довольный тем, что поставил человека на путь истины, ласково потрепал Лушкова по плечу и даже подал ему на прощанье руку. Лушков взял письмо, ушел и уж больше не приходил на двор за работой.

Прошло два года. Однажды, стоя у театральной кассы и расплачиваясь за билет, Скворцов увидел рядом с собой маленького человечка с барашковым воротником и в поношенной котиковой шапке. Человечек робко попросил у кассира билет на галерку и за-

платил медными пятаками.

– Лушков, это вы? – спросил Скворцов, узнав в человечке своего давнишнего дровокола. – Ну как? Что подделываете? Хорошо живетесь?

– Ничего... Служу теперь у нотариуса, получаю 35 рублей-с.

– Ну, и слава богу. И отлично! Радуюсь за вас. Очень, очень рад, Лушков! Ведь вы некоторым образом мой крестник. Ведь это я вас на настоящую дорогу толкнул. Помните, как я вас распекал, а? Чуть вы у меня тогда сквозь землю не провалились. Ну, спасибо, голубчик, что моих слов не забывали.

– Спасибо и вам, – сказал Лушков. – Не приди я к вам тогда, пожалуй, до сих пор назывался бы учителем или студентом. Да, у вас спасся, выскочил из ямы.

– Очень, очень рад.

– Спасибо за ваши добрые слова и за дела. Вы отлично тогда говорили. Я благодарен и вам, и вашей кухарке, дай бог здоровья этой доброй, благородной женщине. Вы отлично говорили тогда, я вам обязан, конечно, по гроб жизни, но спасла-то меня, собственно,

ваша кухарка Ольга.

– Каким это образом?

– А таким образом. Бывало, придешь к вам дрова колоть, она и начнет: «Ах ты, пьяница! Окаянный ты человек! И нет на тебя погребели!» А потом сядет против, пригорюнится, смотрит мне в лицо и плачется: «Несчастный ты человек! Нет тебе радости на этом свете, да и на том свете, пьяница, в аду гореть будешь! Горемычный ты!» И всё в таком роде, знаете. Сколько она себе крови испортила и слез пролила ради меня, я вам и сказать не могу. Но главное – вместо меня дрова колола! Ведь я, сударь, у вас ни одного полена не расколол, а всё она! Почему она меня спасла, почему я изменился, глядя на нее, и пить перестал, не могу вам объяснить. Знаю только, что от ее слов и благородных поступков в душе моей произошла перемена, она меня исправила, и никогда я этого не забуду. Одначе пора, уже звонок подают.

Лушков поклонился и отправился на галерку.